

Евгения Ивановна стояла в очереди за зарплатой. К ней подошел невысокий человек интеллигентной кавказской наружности, взял за руку и сказал: «Мадам! Мы с вами совсем незнакомы. Пойдемте, я покажу вам свои картины». С этого знаменательного «мадам» она потеряла всякий творческий покой. К Евгении Ивановне вернулась полубытая детская восторженность.

А это, казалось бы, самое невинное качество характера раньше часто ее подводило. Весь первый курс сценического мастерства в студии столичного ТЮЗа ей пришлось просидеть за спиной педагога — тот не выдержал восхищенных, испуганных, первобытных вскриков актрисы-трагистки и приказал: «Кузнецова, сяди сюда!». Хотя чего другого было ожидать от девчонки, из первозданных мест у слияния Хопра и Вороны. Все знакомство со сценой — радиопередача «Театр у микрофона». На экзаменах изображала конечно же Анну Каренину, роли в ТЮЗе просила исключительно героические и заливалась над ними слезами.

Первые годы Женя снимала угол, даже не угол, а сундук у старушки в Десятном переулке, посылала поздравительные телеграммы Лоуренсу Оливье и была счастлива суетой столичной жизни. Но само по себе театральное существование со временем перестало вызывать былые восторги, превратилось в профессию.

К сорока годам Женя почувствовала, что стало не по себе, ну просто клин какой-то выходить на авансцену в ролях девочек, мальчиков, зайчиков. Хотя товарищи ее выхаживают и сейчас... Жизнь личная то вырисовывалась, то растворялась в театральных буднях. Появилось новое серьезное увлечение — немецкий язык и австрийская драматургия... В общем, она бросила ТЮЗ и защитилась по австрийскому театру. Собирались выйти на пенсию (у артистов она ранняя), писать статьи, заняться переводами. Однако случилась перестройка, и вскоре оказалось, что это никому не нужно.

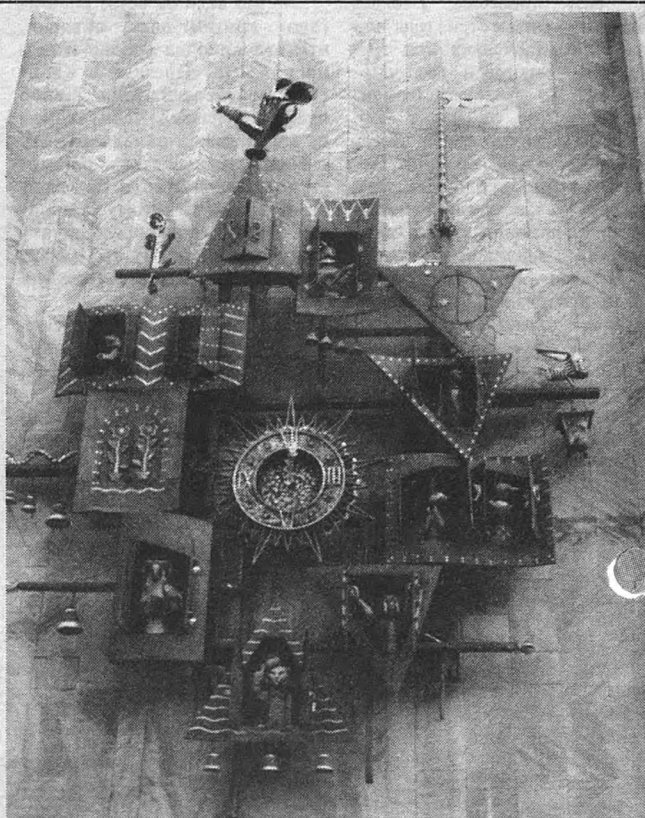
Один ее товарищ, вернее, даже товарищ ее товарища, профорг театра Образцова Адиль Мамедов несколько раз звал Женю в этот театр на должность завтруппы. Она знала эту, с позволения сказать, собачью работу и отказывалась. Но однажды позвонил Мамедов и сказал, что в театр приходит новый художественный руководитель Габриадзе. «Тогда... я иду», — сказала Женя и, положив трубку, подумала: «А вдруг не возьмет?»

...Вскоре к ней подошел человек и сказал: «Мадам!..»

Евгению Ивановну, разглядев ее незлобивый характер, приняли неплохо. В уникальном коллективе театра кукол имени С. В. Образцова молодому актеру — сорок лет, норма — шестьдесят, а семьдесят—восемьдесят — обычное дело, и заслуженными артистами пруд пруди. В театре две труппы, одна — должна ездить, другая — работать дома, так задумал Образцов, когда этот привилегированный государственный театр много ездил за рубеж.

Маститые собрались в первой труппе, и с ними была основная морока. Искала замены, если кто заболел (а это случалось часто), приходилось знать кто где днем пьет и кто где ночью спит — относительно молодые люди среди актеров тоже были.

Габриадзе посадил ее не за спиной, а в первый ряд, ей

В ТЕАТРЕ ГОВОРЯТ

было доверено наблюдать, что и как рождалось в его мастерской. В те дни, когда шла работа над знаменитой впоследствии «Песней о Волге», Женя ощущала, что обстоятельства ее жизни как-то своеобразно изменились.

ИЗ ДНЕВНИКА Е. И. КУЗНЕЦОВОЙ

«...Он опять «фонтанирует», репетирует с Робертом эпизод, вернее, пролог спектакля. Действует потрясающе: насыпается холм из песка, внутрь него заряжаются кукла без туловища, флаги советские и немецкие, каски, звезды, гильзы — мелочи военной жизни. В холм воткнута сухая

ветка. Роберт вытягивает заслонку, и в отверстие начинает течь песок. Обнажается кукла, бесплотная, словно дух, ищет в песке все эти вещи, потом на холме засыпает. Впечатление потрясающее, я уже смотрела десятки раз, и всякий раз плачу».

Да, оказалось, что тот небольшой мешочек слез, которым природа снабдила в путь каждого, ею еще не выплакан. А своеобразие новых обстоятельств, в которых она оказалась, состоит в том, что на самом деле они, эти обстоятельства, не есть реальные события